

Научная статья

УДК 323.1(517.3)

DOI 10.18101/2949-1657-2025-1-34-39

К вопросу о политической и этнической идентичности в монгольском обществе XV–XVI вв.

© Гомбожапов Александр Дмитриевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
agombozh@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проявления идентичности в монгольском обществе XV–XVI вв. Показано, что социальное значение этнической идентичности заключалось не только в выражении культурных различий, но играло особую роль в социально-политическом упорядочивании отношений между различными группами. В процессе большей сегментации общества маркеры этничности охватывали и политическую сферу, в которой они становились формой крупных надплеменных структур.

Ключевые слова: идентичность, этничность, Монголия, племя, социальные общности, устройство общества.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1)

Для цитирования

Гомбожапов А. Д. К вопросу о политической и этнической идентичности в монгольском обществе XV–XVI вв. // Восточный вектор: история, общество, государство. 2025. Вып. 1. С. 34–39.

Постюаньский период в истории Монголии, хотя в историографии и известен как «темный», представляется весьма важным, в нем кроются истоки этнической и гражданской идентичности современных монгольских народов. Младозтнические общности средневековья: хошуты, чахары, халха, хорчины, харчины, мингаты и другие — берут свое начало именно в это время. Длительная междоусобная борьба и соперничество за политическое влияние, военные события, внешняя угроза стали решающими факторами интенсивных процессов дробления, смешения, поглощения и вызревания разных этнических групп.

Монгольские источники дают яркий пример общественного устройства с обязательной или предписанной этнической идентификацией. Важным социально значимым маркером при личном имени выступает определение принадлежности к этническому подразделению. Приведем отрывок из событийного ряда правления Даян-хана из летописи Алтан-Тобчи в качестве типичного:

После этого он отправился в поход на уйгурского Исмаила. Вперед он отправил войска во главе со всеми сайдами — хорхунским Тогочи Шигуши, хучитскими Эсэн Туэгэлом, Чаган Аманом, Чобун-баторм, Мингхату, арлатским Молоном, кэшиктэнским Бэрчи, Нагаху, Лабуг-шикэчином, с татарскими Басухаем и Хони

Хабтагаем, с борбугскими Мункэ Бэлху, Точигэн-бэки, Огэдэем, с ахатэмурскими Шигусэ и Мингхуном, с сарагутским Асатаем [2, с. 281].

Здесь, как можно видеть, перечисление сопровождается указанием отнесенности к тому или иному роду и племени. Недостаточно обозначение собственным именем — в препозиции этномаркирующий атрибутив. Одной из важных функций этничности является ее основное социальное значение, связанное с конструированием и упорядочиванием социального пространства. Представляется, что в кочевом социуме этническая идентификация играла более значимую роль, чем ей отводилось в актах социальной коммуникации и регуляции в аграрных обществах, замещая отсутствие или принимая на себя функции гражданской или иного типа идентичности. Группы, объединение в которых происходило по этнической принадлежности, выступали одновременно и как военные и административно-политические единицы. Они могли дробиться и включаться своими отдельными частями в другие улусные владения.

Известно, что пестрая мозаика племенных и родовых наименований способствовала развитию представлений о родоплеменной основе организации монгольского общества, впоследствии ставших устойчивыми [1, 12]. Между тем многие ученые высказывали мнение о том, что при более детальном рассмотрении социальных общностей монгольских народов характер организующих их основ не выглядит столь однозначным [3, 7, 12]. Э. Э. Бэкон, подчеркивая эту особенность, считала, что для объяснения социальной организации монгольского общества конструкт племени-рода не является достаточным. Социальные целостности монгольского населения строились одновременно на нескольких принципах и сводить их к лишь родственному было бы неверно [11, р. 41–42]. Особенностью рассматриваемого периода стала трансформация монгольской общности как военно-служилого сословия в юаньской империи в замкнутые объединения с последующей выработкой этнической идентичности в ходе резмиграции.

Конкретная этническая идентичность явление динамичное и развивающееся, имеющее начало и степень зрелости. Постимперская реальность для вернувшихся в монгольские степи — это во многом процесс смены ведущего принципа устройства общества. Если ранее военно-административный порядок был обусловлен необходимостью удержания власти и обслуживания императорского двора в Китае, то в условиях кочевого образа жизни возобладал принцип родоплеменного деления и соответственно укрепления идентичности на ее основе. Пожалуй, примером этому может служить юншиэбу (монг. *еншөөбү*). Юншиэбу исконно было названием дворцового ведомства, выполнявшего функции снабжения ханских ставок. Этот тумэн состоял из асуд, харчин, шарнууд, тав аймаг, даланзадгад, хонхотан, шувуучин, нумчин, буриад и барга [5, с. 86]. Как пишет А. Очир, значение большинства названий находится в прямой связи с родом их деятельности, которую они исполняли в рамках жизнеобеспечения юаньского двора [там же]. В новых условиях служилым группам обратный процесс расформирования и возврата к прежним племенным подразделениям скорее всего не был целесообразным и с постепенным утрачиванием их служебного функционала на первый план выходили иные социальные задачи, которые возникали из взаимоотношения и взаимодействия с окружающими группами.

Социальное значение этнической идентичности не сводится к позиционированию на основе бинарного противопоставления «свой-чужой», его роль значи-

тельно шире и включает «рационально-инструменталистские ориентации». Как пишет известный ученый В. А. Тишков, «этничность, как бы пребывая в спящем состоянии, «вызывается» к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии и для достижения гедонистических устремлений» [8, с. 104]. Именно с этой позиции важно понимать функциональное значение бытования этнической идентичности — с точки зрения полезности ее для определенных коллективов монгольского социума.

Природа монгольских политий позднего средневековья являет собой довольно сложную фундаментальную проблему, опирающуюся на дискуссионность такого института, как государство в кочевом обществе.

В литературе можно встретить различное обозначение позднего средневековья в истории Монголии: Северная Юань, эпоха малых ханов, период феодальной раздробленности, Монголия шести тумэнов и четырех ойратских тумэнов. В каждом из них подчеркивается тот или иной аспект, взятый как ведущий. Северная Юань показывает династийную связь с империей Юань, малые ханы уступали по величию всемонгольским хаганам, децентрализация власти и самостоятельность местной знати характерны феодализму, а полития шести и четырех ойратских тумэнов акцентирует внимание на структуре военно-административной организации. В минских источниках монгольские племена официально именуются *Dada* 韃靼, под которыми подразумеваются восточные монголы [6; 10]. В некоторых случаях это название употребляется и в более широком контексте, распространяясь на население Центральной Азии в целом [15, р. 235]. Западные монголы, или ойраты, обозначаются *Wala* 瓦剌.

В целом системный характер монгольскому обществу придавали связность в политическом отношении с утвердившимися в ходе борьбы представителями Золотого рода и военно-административный порядок. Основными ее административно-управленческими единицами служили отоки, определенное количество которых составляло крупное подразделение — тумэн.

Последние включали в себя разнородные группы, большая часть которых являлась носителями древних этнонимов, другая же, образованная из спаянных на основе единства интересов самостоятельных групп, самоидентифицировалась провозглашением «новых» или принятием экзоэтнонима.

В XVI в. в политическом отношении организация монгольских племен выглядела следующим образом. Во-первых, это традиционное членение на правое и левое крылья. Левое крыло управлялось ханом, правое было подчинено джинонгу. В левое крыло входили тумэны Чахар, Халха и Урианхай. Правое крыло формировалось из тумэнов Ордос, Тумэт и Юншиэбу.

Судя по монгольским источникам, чахарский тумэн впервые появляется во второй половине 15-го столетия и указывается как образованный из 8 отоков. Х. Окада с большой степенью уверенности идентифицирует пять отоков с племенами Аохань, Найман, Сунит, Узэмчид и Хучит. Остальные, Кэшиктэн, Уруд и собственно чахарский оток как личное владение хана, образуют оставшиеся три [14, р. 165]. В то же время чахарский тумэн состоял из племенных групп: кэшиктэн, зуйд, буруд, холбод, найманы, суниты, уземчины, хучиты, аохан, алагчууд,

белые татары и хэмчигуд [5, с. 255]. Имеется и другое перечисление, по которому в тумэн чахар входили авга, аваганар, аохан, дурвэн хуухэд, кешиктэн, муу-мянган, найман, оннюты, хучит, сунит, узумчин и урад.

Чахарский тумэн находился в прямом подчинении у великомонгольского хана. Полагаем, что этот тумэн характеризовался пестротой в родовом делении в силу своего назначения. Само слово в переводе с персидского означает гвардию, личную охрану [9]. В его состав, по-видимому, отбирали представителей разных групп монголов. Этому способствовало также стремление ханов увеличить его численность за счет присоединения других родоплеменных подразделений.

Халхаский тумэн формировался из 12 отоков, которые позже были разделены на 5 южных отоков (жарууд, баарин, хонхирад, баяд и үжээд) и 7 северных. Последние были составлены из таких родов, как джалаир, олхонут, бэсут, элжигины, горлосцы, хэрэгүд, хүрээ, хороо, цоохор, хөхүйд, хатагины, тангуты, сартаулы, урянхан. Приняв общее наименование, они стали известны как халхамонголы.

Юншиэбу исконно было названием дворцового ведомства, выполнявшего функции снабжения ханских ставок. О разнородном его составе было указано выше.

Ордос как тумэн состоял из 8 отоков. Изначально он был образован в целях охраны и служения культу Чингисхана в излучине р. Хуанхэ. Внутри они разделяются по этническому признаку: дөрвөн хороо, гэгүд, шувуучин, урад, тангуд, далад, хангин, мэргэд, баганас, бэсүд, үүшин, бэдэгүн, халиучин, хуучид, хэрээд, цагаад, мянгад, хоньчин, хуягчин, уйгуржин, аймагтан и др. [5, с. 144]. С середины XV в. население было организовано в одну административную единицу.

Тумэт делился на 12 отоков, по другим данным, на 7. Название восходит к древнемонгольскому племени тумэт, которое ввиду большинства его носителей и стало общим для всего входящего в него населения. Собственно тумэты, а также племена уйгуржин, баяд (?), үүшин, урут и хонгирад сформировали данную административную единицу.

Урианхайский тумэн можно считать наиболее монолитным из всех прочих. Племя урянхов принадлежало к исконной группе монголов. В правление Даян-хана его многочисленность, по-видимому, представляла для центральной власти серьезную угрозу. В монгольских летописях указывается о разделе урянхов:

«Народ урянх был очень многочисленным, поэтому его разделили между несколькими владельцами. С этого времени их не стали называть урянхайцами, а называли многоплеменным тумэном. Тогда были восстановлены шесть тумэнов монголов ... Народ благоденствовал» [4, с. 76].

Даже после разделения урианхайский тумэн неоднократно поднимал восстания, что, в конце концов, привело к тому, что сын Даян-хана Боди-Алаг в результате военного похода полностью ликвидировал его, включив часть населения в халхаский тумэн.

Краткое описание составов тумэнов показывает действие административного принципа в отношении общего устройства. В то же время организационная структура базируется и на этнических группах, построенных по родоплеменному признаку.

Таким образом, для постимперского периода характерна трансформация общественной и политической системы. Актуализация или превалирование этниче-

ской идентичности при постепенной дезорганизации вследствие утраты ресурсной базы юаньского двора с его военно-административными подразделениями и невозможности поддержания управленческой системы силами лишь кочевой экономики были естественным неизбежным процессом.

Будучи собранными и пополнявшимися из разных родовых и племенных подразделений для решения определенных охранных, военных, хозяйственных, управленческих и иных задач и переселенными после известных событий в монгольские степи, коллективы служилых людей постепенно утрачивали первоначальное назначение своей организации и замещали ее в условиях хозяйственного партикуляризма этнической и культурной идентичностью с характерным для нее набором функций. Однако этот набор не может быть сведен к узкому «репертуару», выражению лишь социокультурных различий. Социальные коллективы, облеченные в этническую форму, были одновременно родоплеменными, территориальными и политическими объединениями.

Литература

1. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Ленинград: Издательство АН СССР, 1934. 224 с.
2. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание) / перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. Москва: Наука, 1973. 440 с.
3. Марков Г. Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. Москва: Изд-во МГУ, 1976. 320 с.
4. Монгольские источники о Даян-хане / введ., вступ. ст., коммент. Г. С. Гороховой. Москва: Наука, 1986. 136 с.
5. Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН. 2016. 304 с.
6. Покотилов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634: (по китайским источникам). Санкт-Петербург: Тип. Имп. акад. наук, 1893. 238 с.
7. Рыкин П. О. Этническая идентичность средневековых монголов как политический конструкт: опыт анализа источников // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2014. С. 248–296.
8. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Москва: Наука, 2003. 542 с.
9. Төмөрцэрэн Ж. Цахар хэмээх үгийн учир // SM (Монгол судлалын зарим асуудал). Т. III. Fasc. Улаанбаатар, 1961. С. 107–115.
10. Успенский В. М. Страна Кукэ-нор или Цинь-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов // Записки Императорского русского географического общества. По отделению этнографии. Отдел второй. Санкт-Петербург, 1860. Т. 6. С. 57–196.
11. Backon E. E. Obok: A study of Social Structure in Eurasia. New York, 1958. 235 p.
12. Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton and Co. 1963. 412 p.
13. Okada H. Origin of the Čaqar Mongols. *Mongolian Studies*, 1991; 14: 155–179.
14. Serruys H. The Mongols in China: 1400–1450. *Monumenta Serica*. 1968; 27: 233–305.

Статья поступила в редакцию 16.03.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025; принята к публикации 28.04.2025.

On the Issue of Political and Ethnic Identity in Mongolian Society
of the 15th–16th Centuries

Aleksandr D. Gombozhapov

Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., 670047 Ulan-Ude, Russia
agombozh@yandex.ru

Abstract. The article explores to the analysis of manifestations of identity in Mongolian society during the 15th–16th centuries. It is shown that the social significance of ethnic identity lay not only in expressing cultural differences but also played a special role in the socio-political organization of relations between various groups. In the process of increasing social segmentation, markers of ethnicity extended into the political sphere, where they became a form of large supra-tribal structures.

Keywords: identity, ethnicity, Mongolia, tribe, social.

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of a state assignment (project “Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies, and States”, No. 121031000241-1)

For citation

Gombozhapov A. D. On the Issue of Political and Ethnic Identity in Mongolian Society of the 15th–16th Centuries. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2025; 1: 34–39 (In Russ.)

The article was submitted 16.03.2025; approved after review 30.03.2025; accepted for publication 28.04.2025.